

состояніи было очаровать мое зрѣніе и произвести въ умѣ моемъ выгодное обо всемъ мнѣніе. Но я уже молчалъ и не говорилъ ничего, каково у меня на сердцѣ уже ни было.

Но каковъ маловаженъ ни показался мнѣ сей домъ снаружи, но вошедъ съ товарищами своими изъ сѣней прямо въ величайшую изъ всѣхъ комнатъ, поразился я вдругъ, увидѣвъ всю ее наполненную множествомъ разряженныхъ въ прахъ гостей обоего пола. Было тутъ нѣсколько человѣкъ мужчинъ, а того болѣе боярынъ, и изъ первыхъ не было мнѣ, кромѣ старика Недоброва и господина Хвощинскаго, Василья Панфиловича, ни одного знакомаго; а изъ послѣднихъ была знакома только мать и тетка невѣсты моей, госпожа Арцыбашева, а прочія были мнѣ совсѣмъ незнакомы. И какъ многія изъ нихъ были молодыя, то искалъ я глазами между ими своей невѣсты, и почелъ-было ею сперва одну, которая была всѣхъ моложе и сѣла въ уголку, всѣхъ отъ меня отдаленнѣе. Однако скоро увидѣлъ я, что это была не она, а совсѣмъ мнѣ незнакомая, и пересталъ удивляться, находя ее совсѣмъ въ иномъ видѣ, нежели въ каковомъ видѣлъ я свою невѣсту.

Насъ приняли съ обыкновенными учтивостями и посадили. Но не успѣли почти всѣ усѣсться и минутъ двухъ посидѣть, какъ и сдѣлано было отъ дяди моего обыкновенное въ такихъ случаяхъ предложеніе. И какъ на оное также съ ихъ стороны было, по извѣстной формѣ, отвѣтствовано, то и пошли тотчасъ нѣкоторые изъ нихъ за невѣстою, и чрезъ минуту и выведена была она къ намъ изъ другой комнаты.

Все собраніе встало тогда съ мѣстъ своихъ, и какъ въ ту же минуту явился и священникъ, бывшій уже на готовѣ, то и поставили тотчасъ насъ обоихъ посреди комнаты и начали пѣть и читать обыкновенные въ сихъ случаяхъ стихи. Въ минуту сію былъ я почти внѣ себя. — Важность начинаемаго дѣла представлялась тогда уму моему во всемъ ея

пространствѣ, и я такъ смутился, что едва въ силахъ былъ стоять на ногахъ и столько духа имѣть, чтобъ нѣсколько разъ взглянуть на поставленную подлѣ меня невѣсту.

Но какимъ пріятнымъ изумленіемъ поразилося тогда мое сердце, когда не увидѣлъ я уже въ ней прежняго ребенка, а дѣвущку уже совершенно почти взрослую, и не такую уже тонкую, какъ была прежде и лицомъ несравненно уже лучшею и мнѣ пріятнѣйшею, нежели какою показалась она мнѣ при нашемъ первомъ свиданіи. Не могу изобразить, какъ много обрадовался я тому, какъ много ободрило и подкрѣпило меня сіе и съ какимъ удовольствіемъ смотрѣлъ уже я на свою невѣсту.

Но въ самую сію минуту блеснула молнія, и громкій звукъ загремяшаго надъ нами грома встревожилъ насъ и всѣхъ присутствовавшихъ при семъ обрядѣ. Всѣ стали креститься и дивиться тому, что никому и не въ примѣту была возшедшая въ самое то время тучка, и всѣ стали считать неожиданное явленіе сіе, а особливо ливнувшій въ самое то время сильный дождь, добрымъ предзнаменованіемъ нашему начинающемуся союзу. А не успѣлъ обрядъ кончиться и насъ, по обыкновенію, благословили образомъ, какъ и начались обыкновенныя со всѣхъ сторонъ взаимныя поздравленія, рекомендаціи и цѣлованія другъ друга, и поелику собраніе было велико, то продлилось сіе нѣсколько минутъ сряду. Послѣ чего посадили насъ обоихъ въ передній уголъ и стали по обычаю сперва поздравлять насъ кругомъ ходящимъ поклономъ съ виномъ, а потомъ подчивать кофеемъ, чаемъ и заѣдками.

Все достальное время сего дня и до самаго ужина долженъ я былъ сидѣть въ помянутомъ углу и какъ на огнѣ прѣжиться. Глаза и вниманіе всего собранія устремлено было на меня и на невѣсту мою, и замѣчались не только всѣ мои слова, но и движенія самыя, а сіе и приводило меня въ неописанное смущеніе. Я зналъ, что мнѣ надлежало тогда разговаривать

что-нибудь съ моею невѣстою и ласкаться къ оной всячески, но для меня составляло самое сіе наивеличайшую и труднѣйшую комисію и было такимъ дѣломъ, которое, на всѣ старанія мои несмотря, не могъ я никакъ произвести по желанію. Ибо, не упоминая о природной моей застѣнчивости и несмѣлости въ такихъ случаяхъ, каковъ былъ сей и въ каковыхъ никогда еще и быть мнѣ неслучалось, не зналъ я тогда, и какъ ни старался, но не могъ и придумать, что-бы такое и о чемъ бы мнѣ говорить тогда съ такою молодою невѣстою, какова была моя, и которая, несмотря на всю свою возмужалость, была все еще почти дитя или очень еще мало отъ дѣтства удаленною.

Какъ скоро все, что было у меня за-благовременно въ умѣ приготовлено, я ей пересказалъ и все переговорилъ; то и сталъ я наконецъ въ пень и не зналъ болѣе, что и пикнуть, и тѣмъ паче, что и съ ея стороны не могъ я дожидаться никакихъ совопрошаній. Да и въ самомъ дѣлѣ, какіе разговоры и о чемъ можно было имѣть съ такою молодою особою? Словомъ, мы сидѣли потомъ не говоря почти ни одного слова съ нею, и я невѣдомо какъ радъ былъ, что сидѣвшіе близко подлѣ меня ихъ мужчины вступили со мною кое о чемъ въ разговоры и тѣмъ меня сколько-нибудь заняли. Итакъ, по причинѣ молодости невѣсты моей и лишонъ я былъ того удовольствія, какое имѣютъ женихи, сговаривающіе на невѣстахъ взрослыхъ и имъ понравившихся, и которое для нихъ обыкновенно бываетъ очень лестно и пріятно.

Вечерній столъ приготовленъ былъ у нихъ въ другой половинѣ, и насъ повели туда по наступленіи вечера и посадили по обыкновенію опять вмѣстѣ. Но оба мы не столько ѣли, сколько кланялись всѣмъ поздравляющимъ насъ и пьющимъ за наше здоровье. Столъ былъ у нихъ нарядный и все въ ономъ въ порядкѣ. По окончаніи-жъ ужина и въ разсужденіи, что намъ за дальностію не можно было успѣть домой возвратиться, приглашены мы были почевать къ сосѣду и родственнику

ихъ, господину Колюбакину, Ивану Алексѣвичу, живущему въ томъ же селѣ и отъ нихъ только черезъ улицу, чѣмъ мы были въ особенности и довольны.

Тутъ во всю ночь я очень мало спалъ, ибо вся голова моя набита была помышленіями о начатомъ дѣлѣ и о моей невѣстѣ. Я не зналъ, счастіемъ ли то почитать, или несчастіемъ, и обо всемъ видѣнномъ и слышанномъ такъ много размышлялъ, что не могъ уснуть очень долго.

На другой день надобно мнѣ было посѣтить невѣсту, и, по обыкновенію, отвезти ей подарокъ. А она съ ихъ стороны, по обыкновенію старинному, дарила людей моихъ, а я всѣхъ дворовыхъ ихъ людей подчивалъ водкою, привезя съ собою для самаго того погребецъ свой, — и меня увѣрили, что обрядъ сей необходимо надобно было исполнить.

Въ сей разъ былъ я съ невѣстою своею хотя нѣсколько уже познакомѣе, однако все наше знакомство не имѣло какъ-то дальнихъ успѣховъ, и я приписывалъ то ничему иному, какъ ея молодости и не безъ удовольствія проводилъ съ нею все сіе утро. Ибо насъ и въ сей день безъ обѣда не отпустили и мы не прежде возвратились въ свою деревню, какъ уже по наступленіи ночи.

Симъ образомъ сговорилъ я наконецъ жениться, и какъ сіе случилось на самый троицынъ день и свадьбѣ въ тотъ же мясоѣдъ быть было некогда, то и отложили мы оную до начала будущаго мясоѣда, или до іюля мѣсяца.

Сіе время употреблено было съ обѣихъ сторонъ на приуготовленія къ свадьбѣ, — съ ихъ стороны — на шитье платья и на приготовленіе приданого, а съ моей на окончаніе того, что у меня было еще недодѣлано, и также на дальнѣйшія приготовленія къ сему великому для меня и торжественному дню.

Между тѣмъ, сколько мнѣ время, тогдашнія проливныя ненастья и обстоятельство дозволяли, ѣзжалъ я къ моей невѣстѣ; однако далеко не такъ часто, какъ ѣздить другіе. Тогда не было либо сего въ столъ великомъ обыкновеніи,

какъ нынѣ,—и у меня никогда и на умѣ того не было, чтобъ препровождать тамъ по нѣскольку дней сряду и не отходить отъ невѣсты такъ сказать ни пяди, и ходить только почевать въ другой дворъ, какой-нибудь чужой, а день весь съ утра до вечера быть съ невѣстою; либо происходило сіе отъ того, что я къ своей, по великой ея еще молодости, не имѣлъ еще дальней привязанности. Къ тому-жъ и она какъ-то ко мнѣ нимало не ласкалась, но все отъ меня власно какъ дичилась. Сіе обстоятельство было всего болѣе причиною тому, что я не имѣлъ охоты и побужденія къ тому, чтобъ ѣздить часто въ такую даль единственно для свиданія съ нею, ибо оное не производило мнѣ никакого дальняго удовольствія, но напротивъ того служило иногда поводомъ къ досадѣ и къ чувствительному неудовольствію на самого себя.

Но никогда сіе послѣднее такъ велико не было, какъ послѣ вторичнаго моего съ невѣстою свиданія. Случилось сіе вскорѣ послѣ сговора. И день сей былъ въ особенности для меня несчастнымъ и власно какъ нарочно назначеннымъ для произведенія мнѣ многихъ неудовольствій, такъ что онъ мнѣ, по особенности своей, и повинѣн еще очень памятенъ.

Всталъ я въ оный очень рано, — ибо какъ хотѣлось мнѣ приѣхать къ нимъ къ обѣду и съ тѣмъ, чтобъ, посидѣвъ у нихъ, въ тотъ же день и назадъ возвратиться, то и надобно было поспѣшать; и потому ѣздилъ я въ сей разъ налегкѣ въ какой-то городской отверстой старинной колясочкѣ, которую я, не помню у кого, на сей случай выпросилъ. Уже въ самое утро разсерженъ я былъ непомню чѣмъ-то людьми своими, почему поѣхалъ уже и со двора не гораздо съ веселымъ расположеніемъ духа, а почти нехотя, а для соблюденія единого этикета. Да и ѣхать какъ-то было не хорошо и коляска была самая безпокойная и дрянъ суцая.

Но какъ бы то ни было, но я туда приѣхалъ, и довольно еще рано. Но что-жъ?... и засталъ ихъ въ сей разъ

однѣхъ, то-есть невѣсту мою съ одною только ея матерью, и нимало меня въ сей день недождавшихъ. И не знаю, оттого ли, что первую засталъ я въ совершенномъ дезабильѣ, или одѣтую совсѣмъ запросто и далеко не столь нарядною, какою я привыкъ ее видѣть, или оттого, что всѣ онѣ, а особливо она, нечаяннымъ моимъ приѣздомъ была перетревожена; но какъ-бы то ни было, но показись она мнѣ въ сей разъ совсѣмъ не такую, какою я ее до того видалъ, но несравненно худшею и такою, что я не находилъ уже ни въ образѣ ея, ни во всѣхъ обращеніяхъ и поступкахъ ни малѣйшихъ для себя пріятностей и не иначе могъ смотрѣть на нее, какъ съ дѣланіемъ себѣ нѣкотораго насилія и принужденія. А какъ къ вѣщему несчастію, не хотѣла и она въ сей разъ на всѣ оказываемыя ей ласки нимало соотвѣтствовать, но все отъ меня власно какъ тулилась, да и къ разговорамъ съ нею не могъ я найти никакихъ почти матерій, ибо она сама какъ-то въ нихъ не вмѣшивалась, и была очень несловоохотна, а только отвѣчала на дѣлаемые ей вопросы, и то власно какъ нехотя, ласки же ко мнѣ не оказывала ни малѣйшей: то все сіе меня еще пуще сразило, и привело въ такое изумленіе, что я во все то время, какъ у нихъ находился, былъ власно какъ самъ не свой, и невѣдомо какъ радъ былъ, когда сталъ приближаться вечеръ и мнѣ можно было, съ ними раскланявшись, поспѣшать домой ѣхать.

Но что-жъ? — Не успѣлъ я, сѣвши въ свою коляску, со двора съѣхать, какъ и пошли въ головѣ у меня мысли за мыслями и наконецъ такая дрянъ, что я и животу своему почти не радъ былъ.

«Ахъ! Боже мой! говорилъ я самъ въ себѣ: гдѣ это были у меня глаза, гдѣ умъ, и гдѣ разумъ былъ?... Возможно ли такъ ослѣпиться и не видать всего того уже сначала, что я теперь видѣлъ? О, Боже мой! продолжалъ я: какъ это мнѣ съ нею жить будетъ!... И ну, если она и всегда такова неласкова и несловоохотлива и не весела будетъ?... Ни малѣйшей-

таки ласки и ни малѣйшаго привѣтствія не хотѣла она мнѣ оказать, и сколько я къ ней ни ласкался, она и глядѣть почти на меня не хотѣла... Батюшки мои! — продолжалъ я еще далѣе: уже не противенъ ли я ей такъ, какъ чортъ?... Уже не возненавидѣла ли она меня, ничего еще не видѣвъ, и не имѣетъ ли ко мнѣ она уже крайняго отвращенія?... А не даромъ во весь сегодняшний день и смотрѣть на меня почти не хотѣла... Но, ахъ, Боже мой! Что это будетъ, если она меня любить не станетъ, а напротивъ того возненавидитъ еще?... Не несчастный ли я буду человекъ. Самый разумъ ея, Богъ знаетъ еще, каковъ? Сколько ни старался я завести ее въ разговоры, и о чемъ, о чемъ ни заводилъ съ нею рѣчь, но все какъ-то не могъ, почти ничего иного добиться, какъ только да или нѣтъ, и только что отмалчивалась. Все это для меня непонятно и удивительно. И не знаю, что это и какъ со мною все это сдѣлалось? И что со мною впродъ будетъ?... И ну, если она и впродъ не умнѣе, не словоохотнѣе, не ласковѣе и не лучше сего будетъ?... Что со мною, бѣднымъ, тогда будетъ!... И такого ли я себѣ товарища желалъ и искалъ, и такого ли получить домогался?... Ахъ! это будетъ для меня сущая каторга — жить съ такимъ человекомъ!...

Симъ и подобнымъ сему образомъ размышлялъ я и говорилъ самъ съ собою во всю дорогу, и чѣмъ болѣе углублялся о семъ въ размышленіи, тѣмъ вѣроятнѣйшими и величайшими казались мнѣ всѣ примѣченныя въ невѣстѣ моей несовершенствы. И сіе довело меня наконецъ до того, что я впалъ въ превеликое раскаяніе о томъ, что я сіе дѣло началъ, и досадовалъ невѣдомо какъ, что дѣло сіе зашло уже такъ далеко, что и отстать отъ него было уже почти совсѣмъ не можно или по крайней мѣрѣ трудно, и для самого меня не иначе какъ крайне постыдно. Сіе смутило и растревожило всю душу мою такъ сильно, что я въ коляскѣ своей не сидѣлъ, а власно какъ на огнѣ пріяжился, и только что переса-

живался изъ одного угла въ другой, твердя стизнова:

«Ахъ, Боже мой! что это я сдѣлалъ? Гдѣ это были мои глаза, и въ какую бездну ввергнулъ я себя! И, ахъ, что мнѣ теперь уже дѣлать, и какъ можно уже отстать и переменить все это? — «Правда, — говорилъ я далѣе, замышляя уже и объ отказѣ самомъ: дѣло еще не совсѣмъ сдѣлано и узла неразрѣшимаго еще не завязано. Возможность еще есть и разрушить все начатое, а подумавши, можно придумать какіе-нибудь и предлоги и употребить приличныя средства къ тому. Примѣры такіе бывали, бывають, и всегда будутъ въ свѣтѣ».

Мысль сія такъ мнѣ полюбилась, что я началъ ее тотчасъ разрабатывать далѣе и уже помышлять о томъ, какъ бы сіе удобнѣе было сдѣлать, и выдумывалъ уже и приличнѣйшія средства. Но не успѣлъ я въ размышленіи сіи углубиться, какъ опять вдругъ, и власно какъ отъ сна воспрянувъ, самъ себѣ я сказалъ:

«Такъ, пусть такъ, чтобъ это сдѣлать было и можно! Но, ахъ! Какія послѣдствія произтекутъ изъ того?... Не одурачу ли я себя передъ всѣмъ свѣтомъ? Не подвергну ли я себя тогда всеобщему посмѣянію?... Не выведу ли я изъ себя исторію?... Не станутъ ли всѣ обо мнѣ говорить, меня хулить и мнѣ смѣяться?... Куда могу я тогда глаза свои показать?... И какая невѣста захочетъ имѣть тогда со мною дѣло?... Не станутъ ли всѣ отъ меня, какъ отъ чудовища какого бѣгать?... И гдѣ, и какъ можно мнѣ будетъ найти себѣ другую невѣсту, да еще и лучше сей?»

Всѣ сіи мысли остановили меня въ прежнемъ моемъ замышляемомъ намѣреніи, но не успокоили духъ мой, а привели его и всѣ мысли мои еще въ вѣщее нестроеніе и повергли меня опять въ нерѣшимость и въ такое мучительное состояніе, котораго я никакъ изобразить не могу.

Между тѣмъ какъ я симъ образомъ углублялся въ разныя мучительныя размышленія, летѣло нечувствительно время

и уже наступила ночь, и, къ крайнему умноженію моей досады и неудовольствія, прежній прекрасный день превратился въ пасмурной и ненастной. Гдѣ ни взялись мрачныя тучи, покрыли весь горизонтъ, и вмигъ почти послѣ того полился на насъ пресильный и проливной дождь, и сталъ мочить насъ немилосерднымъ образомъ.

Я сколько ни старался укрыться отъ него въ своей коляскѣ, но не было никакого къ тому способа. Была она старинная городовая двумѣстная, и были у ней хотя спереди и съ боковъ кожаныя задержки, но въ такомъ худомъ состояніи, что никакъ не можно было ихъ съютить вмѣстѣ, и я, какъ ни старался схвативъ вмѣстѣ ихъ держать, но никакъ не могъ укрыться и защитить себя отъ дождя. Стремился онъ прямо намъ въ лицо, и съ такою силою, что всего меня замочилъ въ прахъ, и я нигдѣ не могъ найти мѣста и защиты отъ него въ коляскѣ.

Новое сіе горе, присовокупившись къ прежнему, увеличило еще болѣе мою досаду и неудовольствіе. «Боже мой!—говорилъ я: что это такое? Всѣ бѣды и напасти на меня сегодня соединились!... Понесло же меня сегодня!... Вѣдалъ-бы, истинно не ѣздилъ!... Измокъ весь и озябъ немилосердо... Богъ знаетъ, какъ и доѣдемъ еще?»

Въ самомъ дѣлѣ наступила тогда уже совершенная ночь, и сдѣлалось такъ темно, что ни зги было не видать. Я хотя и говорилъ то и дѣло кучеру своему, чтобъ онъ поспѣшалъ ѣздою, ибо оставалось еще много ѣхать; но онъ отвѣтствовалъ мнѣ, что поспѣшаетъ и такъ, но боится, чтобъ въ темнотѣ не сбиться съ дороги, чтобъ не потерять ее совсѣмъ и чтобъ не заѣхать куда-нибудь въ чепыжи и кустарники непроходимые, и взвѣхавъ на пень, не извалить бы коляски,—ибо мы ѣхали тогда перелѣсками и чепыжами, гдѣ дорога по лугамъ едва и днемъ была примѣтна.

«Вотъ новое еще горе и бѣда», говорилъ я, и подтверждалъ какъ ему, такъ и про-

чимъ всѣмъ бывшимъ со мною людямъ примѣчать какъ можно дорогу. Но какъ нажда и на всѣхъ была не велика, то пришло уже мнѣ тогда не до мыслей о невѣстѣ, а сталъ думать и помышлять о томъ, какъ бы въ самомъ дѣлѣ не заблудиться, и ежеминутно самъ смотрѣть и примѣчать, сколько можно было, всѣ окрестности и положеніе мѣстъ. Но куда ѣхали мы подлѣ лѣсовъ и пробирались лугами и чепыжами, до тѣхъ поръ все было еще сколько-нибудь ѣхать и дорогу видѣть и окрестности примѣчать можно. Но какъ скоро выбрались мы на чистое поле, тогда скоро дошло до того, что сами не знали, куда ѣхали, ибо ни дороги, ни по сторонамъ вовсе ничего было непримѣтно, а блестялась сколько-нибудь въ сторонѣ вода, которая отъ проливного и ужаснаго дождя покрыла всю землю и стояла вездѣ, какъ море.

Горе тогда на всѣхъ на насъ напало превеликое. Дождь мочилъ всѣхъ насъ безъ всякаго милосердія! На всѣхъ людяхъ не осталось уже ни одной нитки сухой! Темнота была превеликая, ѣхать оставалось еще не близко и верстъ болѣе еще шести или семи; но лошади начинали уже почти становиться. Но что всего хуже, то дороги было вовсе не видно и непримѣтно, и мы потеряли всѣ признаки и примѣты, и сами не знали, гдѣ мы и куда ѣхали.

Болѣе часа ѣхали, или паче сказать, бредкомъ брели мы симъ образомъ по мѣстамъ неизвѣстнымъ, и какъ мнѣ показалось, что ѣзда наша продолжается уже слишкомъ долго; то, раскрывши свои задержки, сталъ я самъ пристальнѣе смотрѣть впередъ и по сторонамъ. И тогда вдругъ показисъ мнѣ, что мы ѣдемъ какою-то большою и широкою дорогою, ибо преширокая полоса блестящей во мракѣ воды казалась простирающеюся вдоль предъ нами.

— Стой, стой! закричалъ тогда я: не туда мы, братцы, заѣхали! Это какая-то большая и широкая дорога и совсѣмъ не та, по какой намъ должно ѣхать.

— «Это и мы видимъ, и дивимся!» говорили мнѣ люди.